



На вопросы главного редактора журнала «Закон» Александра Верещагина и шеф-редактора журнала «Закон» Владимира Румака отвечает **профессор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Ильич ЛАФИТСКИЙ**

## ПОРЫВ К ИЗУЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ УГАСАЕТ

Родился 21 февраля 1957 г. в Москве.  
В 1979 г. окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, в 1983 г. — аспирантуру Института государства и права АН СССР.  
В 1984 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Конституция американского штата (политико-правовой анализ)».  
В 1980–1988 гг. — ассистент, доцент Московского института радиотехники, электроники и автоматики.  
В 1988 г. присвоено ученое звание доцента по кафедре советского права.  
С 1988 г. — ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП).  
В 1992–1993 гг. — член рабочей экспертной группы Конституционной комиссии РФ.  
В 2007–2015 гг. — заместитель директора ИЗиСП по научной работе.

Заслуженный юрист РФ.  
В 2013–2017 гг. — замещающий член Европейской комиссии за демократию через право.  
С 2012 г. — член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Париж, Франция).  
В 2013–2015 гг. — оценщик Группы государств против коррупции.  
С 2013 г. по наст. вр. — член Научно-консультативного совета и приглашенный профессор Международной антикоррупционной академии (Лаксенбург, Австрия).  
С 2016 г. по наст. вр. — профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).  
Научная специализация — общие вопросы теории государства и права, конституционное право России и зарубежных стран, сравнительное правоведение.  
Автор 20 монографий.  
Женат, имеет двоих детей.

— Владимир Ильич, Вы один из выдающихся российских ученых-компаративистов. Можно ли сказать, что в нашей стране сравнительное правоведение процветает? Каким было его положение в советское время, когда примеры из буржуазных правопорядков не считались достойными подражания?

— К сожалению, со сравнительным правоведением у нас всё довольно грустно. Порыв к изучению глобального правового пространства, характерный не только для дореволюционной России с эпохи Петра Великого, но и для советского периода начиная с 1970-х гг., и первых двух десятилетий современной истории России, сегодня угасает.

Первые акты современной России основывались на компаративистских исследованиях. В качестве примера можно указать Гражданский кодекс, который создавался на основе широкого обобщения цивилистических актов, действовавших в то время, в частности гражданских кодексов канадской провинции Квебек, Нидерландов, Франции, Германии.

Отечественное законодательство создавалось, по сути, с чистого листа, что настоятельно диктовало необходимость изучения и использования позитивного опыта зарубежных стран.

В последние полтора десятилетия наблюдается странное явление: многие депутаты, чиновники Правительства, иных органов исполнительной власти не только отказываются от обращения к зарубежному опыту законодательства, но и полагают, что могут обойтись при составлении законов без содействия правоведов-законодотворцев. Невозможно просто так сесть за стол либо лечь на диван и написать закон. Требуются годы подготовки, знание закономерностей развития права не только в нашей стране, но и в глобальном правовом пространстве. Как отмечал великий философ Блез Паскаль, невозможно знать части, не зная целого. Точно так же нельзя понять, как будет развиваться правовое пространство в России, не изучив, что происходит в мире.

Динамику этих процессов изучают редко. Одним из немногих исключений является научно-исследовательская работа Университета имени О.Е. Кутафина<sup>1</sup>.

Уровень подготовки наших юристов по сравнительному правоведению находится в удручающем состоянии, что связано не только с ограниченным количеством аудиторных часов (в МГЮА проводятся, например, одна лекция и шесть семинарских занятий), но и с отсутствием хорошо подготовленных кадров. О чем можно говорить, если сравнительное правоведение в вузах преподают в основном лица, не знающие иностранных языков, не читавшие в оригинале законы зарубежных государств, никогда не участвовавшие в решении практических задач, связанных с применением зарубежного права? Что они могут объяснить студентам?

Конечно, в наших вузах есть замечательные специалисты. Достаточно упомянуть профессора юридического факультета МГУ М.Н. Марченко, профессора Института международного права и экономики В.В. Оксамытного, профессора Российской школы частного права Д.В. Дождева и других, сохраняющих лучшие традиции сравнительного правоведения дореволюционной России и СССР. Но, к сожалению, в современной российской компаративистике преобладают «специалисты», довольствующиеся какими-то мифами и искаженными представлениями о зарубежном праве. В частности, они утверждают, что в странах общего или англосаксонского права основным источником права является прецедент, что не имеет никакого отношения к реальной жизни права. Как и в других государствах, в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии основным источником права являются конституции (там, где они есть), законы, акты делегированного законодательства, которые вытесняют прецеденты на периферию правового регулирования. Чтобы убедиться в этом, достаточно послушать, а еще лучше принять участие в заседаниях судов общего права либо по

<sup>1</sup> Ведется в рамках государственного задания от 25.05.2020 № 075-00293-20-02 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы» (тема № FSMW2020-0030).



крайней мере посмотреть, какие судебные акты принимаются в США, Великобритании, Канаде, почитать их тексты, размещенные на сайтах институтов правовой информации (*Legal Information Institutes*).

Низкое качество подготовки российских юристов по вопросам зарубежного права и сравнительного правоведения ведет к бесконечным провалам в реализации внешнеэкономических проектов и ведении дел в международных и зарубежных судах.

Этой теме посвящены моя книга «Практическое пособие по сравнительному правоведению: ступени познания зарубежного права для чиновников, предпринимателей и юристов»<sup>2</sup>, статья «Нулевая защита»<sup>3</sup> и двухтомная монография «Миры права в теории и практике сравнительного правоведения», которая выйдет в свет в этом году.

|| Нам нужно учить юристов находить достоверную информацию, а не довольствоваться мифами, которыми захлавлено наше информационное пространство. Мы должны учить их навыкам решения прикладных задач, связанных с применением зарубежного права, а также с защитой Российской Федерации, российских предприятий и граждан в международных судах и судах иностранных государств.

К счастью, я имел возможность познавать жизнь зарубежного права, не только занимаясь научными исследованиями, но и работая в международных организациях и в адвокатских фирмах, в том числе А.Г. Гольцблата, М.Ю. Галятина, И.Ю. Жигачева, М.С. Доломанова и др., обеспечивавших правовое сопровождение иностранных инвестиций в России и российских инвестиций за рубежом.

— В 2010-е гг., при реформе ГК, в укор работчи́кам Кодекса как раз ставилось то, что они привнесли в него много иностранных конструкций, в первую очередь аналогов английского договорного права. Вспоминают и примеры из 1990-х гг., такие как первая редакция Закона об

акционерных обществах<sup>4</sup>, которая разрабатывалась по лекалам самого прогрессивного американского опыта, но впоследствии стала почвой для многочисленных злоупотреблений в России. Как Вы относитесь к такой критике? Насколько вообще для стран континентального права допустимо заимствовать институты англосаксонской правовой семьи?

— Прежде всего я бы не стал относить нашу правовую систему к группе континентального (романо-германского) права. До октябрьского переворота 1917 г. ни у кого не возникало сомнений в том, что наша правовая система является основным, стержневым элементом славянского права. На первом Конгрессе сравнительного права 1900 г. было выделено пять основных систем: англо-американское, немецкое, французское, исламское и славянское право. Последнее тогда было представлено в основном Российской Империей. Другие славянские государства того времени — Болгария, Сербия и Черногория — развивались в основном в фарватере российского права.

После 1917 г. Россия, разрушив все до основания, создала новое социалистическое право, которое в замечательной книге Рене Давида<sup>5</sup> было указано как один из основных компонентов правового пространства мира.

|| Нет никаких оснований относить российскую правовую систему к романо-германскому праву. Это — право, созданное романскими и германскими народами. А право Российской Федерации было и остается российским правом со своими особыми чертами, достоинствами и недостатками и будет оставаться таковым, пока кардинально не изменится его этнический и религиозный состав.

Заемствования в российском праве, конечно, тоже встречаются, но они не имеют большого значения. Инородные элементы плохо приживаются в нашей правовой системе. В частности, в ней так и не прижил-

<sup>2</sup> М., 2019–2020.

<sup>3</sup> Коммерсант. 2016. 12 сент.

<sup>4</sup> Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

<sup>5</sup> Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.

ся институт траста (доверительной собственности). Как говорил А.Л. Маковский, получился «какой-то уродец». Из негативного опыта вспомним также первый Закон о банкротстве<sup>6</sup>, на основе которого были признаны несостоятельными многие крупные и эффективно работавшие предприятия, а их активы разворованы либо отданы на металлолом.

Впрочем, полноценному развитию российской экономики в большей мере мешало доминирование отечественных госкорпораций.

В любом случае желательно создавать законы, опираясь на собственные силы, а не копируя без оглядки зарубежные образцы. Ни к чему хорошему это не приводит.

Отметим также, что российское право должно не только отражать потребности современного развития экономики и общества в целом, но и сохранять правовое наследие СССР и Российской Империи.

Этой теме посвящена моя книга «О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право»<sup>7</sup>.

**— Не стоит ли проводить разницу между публичным и частным правом в этом отношении? Частное право идет из жизни, а публичное — это больше надстройка, и в нем заимствования являются доволно обычной практикой.**

— Я все-таки считаю, что копирование в любых сферах права недопустимо. Когда начиналась работа над Сводом законов Российской Империи, Министерство юстиции дало комиссии Сперанского наказ ничего не копировать, особо подчеркивая: «Россия... никогда не была управляема чуждыми законами; даже в самые смутные времена она сохранила свои предания, уставы и законы».

Конечно, в Российской Империи действовали и образцы зарубежного законодательства. Так, в Царстве Польском сохранял силу Гражданский кодекс Наполеона, но это было не копирование, а признание права,

действовавшего на территории Польши до присоединения к России. Следует также отметить, что Российская Империя очень бережно относилась к обычаям и традициям населявших ее народов.

Что касается заимствований в сфере публичного права, то во многом они неизбежны в силу универсальности форм правления. Главный завет — использовать только такой зарубежный опыт, который позволяет реализовывать творческий потенциал нации, обеспечивая ее полноценное экономическое, политическое, социальное, духовное развитие.

**— А каково соотношение между историей права и сравнительным правоведением? Изначально эти две дисциплины развивались в очень тесной связи друг с другом, и первые известные российские компаративисты были именно историками права, к примеру Павел Виноградов. Разговоры о возрождении нашей собственной правовой традиции вызывают удивление, поскольку в пояснительных записках к законопроектам практически никогда не приводится исторический анализ законодательства, в отличие от той же Российской Империи. Мы как будто живем с чистого листа.**

— Вы очень точно диагностировали проблему. Историческое наследие — это фундамент, на котором развивается любая нация, любое государство. Не случайно многие акты, например, британского законодательства, в частности Вестминстерский статут и статут Мальборо, действуют с конца XIII в.

Мы же в России привыкли всё ломать, бесконечно меняя законодательство, удовлетворяя какой-то странный законотворческий зуд.

Во многом это связано с тем, что в правотворческой деятельности участвуют в основном случайные люди. Об этом, например, свидетельствует и состав образованной в 2020 г. рабочей группы по подготовке «поправки» к Конституции. В ней не было ни одного из участников создания Конституции России 1993 г. В ней было крайне мало таких государствоведов, как С.А. Авакьян или С.А. Белов, которые могли бы остановить поток конституционно-правовых ошибок, просчетов, недальновидных либо декларативных решений.

<sup>6</sup> Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

<sup>7</sup> М., 2018.



К числу таких ошибок либо просчетов можно отнести положения ст. 67.1, которые провозглашают, что Российская Федерация является правопреемником только СССР, предавая забвению наследие Российской Империи и вместе с тем указывая, что Россия сохраняет память предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога», что выглядит по меньшей мере странным, учитывая, что СССР был богоборческим государством.

— Сейчас появляется все больше отсылок к так называемой конституционной идентичности, а толкования международных судов теперь уже в соответствии с Конституцией должны проходить проверку в Конституционном Суде. Что это — дань исторической традиции, антиглобалистская тенденция или нечто третье?

— Я считаю, что здесь нет никаких глубинных факторов, все гораздо проще. Мы не умеем защищать интересы России.

Об этом свидетельствуют среди прочего многие абсолютно бездарно проигранные в международных и зарубежных судах процессы с участием России, российских предприятий, организаций и граждан.

В качестве примера можно указать решение Апелляционного суда Гааги от 18.02.2020 по делу «ЮКОСа», которое, отменив решение суда первой инстанции, оставило в силе решение Постоянной палаты третейского суда, поскольку Суду не были представлены доводы о недопустимости исполнения арбитражного решения в связи с нарушением принципов публичной политики Нидерландов. А ведь именно это по законодательству Нидерландов является основанием для отказа в признании и исполнении решений третейских судов.

Но в этой ситуации вместо того, чтобы навести порядок в подготовке к подобным процессам, Россия выходит из Энергетической хартии, оставляя зарубежные инвестиции и российские компании без установленных этим актом средств международно-правовой защиты. Кроме как проявлением самодурства и абсолютной некомпетентности, такое решение ничем не объяснить.

— Но есть же институты, которые должны давать соответствующие советы властям. Почему они не выполняют эти функции?

— Проблема опять же в некомпетентности. Вот лишь одна иллюстрация. В 2015 г. с целью консолидации усилий по защите российских позиций в международных и зарубежных судах была создана специализированная структура — Международный центр правовой защиты. Однако на должность его руководителя был назначен человек уважаемый, но не сведущий в праве, — бывший директор департамента экономического сотрудничества Министерства иностранных дел РФ А. Кондаков. Станный выбор, учитывая, что на этой позиции требуются умение и навыки борьбы за право, а не искусство ведения переговоров и организации сотрудничества.

Для ведения дел в международных организациях и судах требуется, помимо компетентности, настойчивость в отстаивании правовых позиций. В качестве примера могу привести успешную защиту в 2019 г. законодательства и правоприменительной практики России при оценке со стороны ФАТФ действующей в нашей стране системы противодействия отмыванию денежных средств, полученных преступным путем. А ведь этот успех был достигнут в условиях беспрецедентного санкционного давления на Россию.

Приведу еще один пример, связанный с моей работой. В ноябре 2012 г. я участвовал в Международной антикоррупционной конференции в Бразилии, где в продолжительных дискуссиях с представителями «Трансперенси Интернешл» смог доказать, что «индекс взяточдателей», разработанный с целью оценки участников внешнеэкономической деятельности отдельных государств, не соответствует критериям достоверности. По этому индексу Китай был на предпоследнем, Россия — на последнем месте. Но на мой настойчивый вопрос, кто брал взятки китайских и российских предпринимателей в Северной Америке и Западной Европе, ответа я так и не получил, несмотря на то что более 80% внешнеторгового оборота Китая и России в то время приходилось на США, Канаду, государства Европейского союза. Исходом этого противостояния стал отказ «Трансперенси Интернешл» от дальнейшего составления «индекса взяточдателей»<sup>8</sup>.

<sup>8</sup> Подробное изложение этой дискуссии см.: *Лафитский В.И.* Обзор работы 15-й Международной антикоррупционной

Для успешной защиты интересов России и российских предприятий в международных организациях и в зарубежных судах необходимо также умерить амбиции наших чиновников и юристов, которые, не зная основ международного и зарубежного права и нередко даже не владея требуемыми иностранными языками, тем не менее берут на себя ответственность выступать представителями России, российских предприятий, организаций и граждан.

Еще одна беда — нередко российские чиновники и юристы смешивают интересы дела со своими собственными пристрастиями и представлениями о должном. В подтверждение одна история. Весной 2015 г. ко мне обратились представители Венецианской комиссии Совета Европы с сообщением о том, что руководитель секретариата делегации Российской Федерации в Венецианской комиссии давал интервью в средствах массовой информации, представляя себя сперва руководителем Секретариата Венецианской комиссии, а потом и заместителем председателя Комиссии. Я доложил об этом члену Венецианской комиссии от Российской Федерации, директору Института законодательства и сравнительного правоведения, но вскоре в ответ мне было велено вести переписку с Венецианской комиссией, в состав которой я входил в личном качестве, исключительно через упомянутого руководителя секретариата делегации Российской Федерации. Через два дня, отказавшись исполнить это требование, я уволился из Института законодательства и сравнительного правоведения, где проработал 28 лет, в том числе 8,5 лет в должности заместителя директора по научной работе. Вот такие случаются у нас странные истории.

— Поскольку мы заговорили об оценке уровня коррупции, не могу не спросить Вас о рекомендациях ГРЕКО России, в числе которых на протяжении долгого времени упоминалось введение уголовной ответственности юридических лиц. Эти предложения встречали возражения со стороны российских ученых, которые со ссылкой на компаративный анализ доказывали, что данный институт, в сущности, реализован у нас в виде налоговой, антимонопольной, административной ответственности корпораций. Вы сотрудничали с

конференции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 5.

### **Группой в качестве оценщика. Можете подробнее рассказать об этой ситуации?**

— Рекомендация, о которой Вы говорите, была основана на положениях Конвенции ООН против коррупции<sup>9</sup>, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию<sup>10</sup>, некоторых других международно-правовых актах. Так что ничего страшного в этом институте я не вижу, тем более что в дореволюционной России институт уголовной ответственности юридических лиц действовал вполне эффективно.

Теперь что касается компаративистского анализа. По этой теме в России есть только одно крупное монографическое исследование — «Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве», которое было опубликовано мною в 2013 г. в соавторстве с Н.А. Головановой и М.А. Цирининой и где подробно проанализировано действие института уголовной ответственности юридических лиц в большом количестве стран, в том числе в Австралии, Великобритании, Бельгии, Венгрии, Дании, Индии, Израиле, Иордании, Испании, Италии, Канаде, Китае, Латвии, Молдове, Норвегии, США, Финляндии, Франции, Швейцарии, Эстонии.

Так что требования ГРЕКО абсолютно обоснованны. Для того чтобы остановить вал не только коррупционных, но и экономических, экологических, иных преступлений, этот институт абсолютно необходим.

— Но тогда наш правопорядок столкнется с необходимостью пересмотра устоявшегося в уголовном праве понимания вины как психического отношения к содеянному, которое кажется невозможным в рамках ответственности юридических лиц.

— Здесь нет ничего невозможного. От имени юрлица всегда выступают конкретные его представители. Вот их психическое отношение к содеянному и будет учитываться при определении виновности. Речь идет об оценке так называемой коллективной воли владельцев предприятия.

<sup>9</sup> Принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

<sup>10</sup> Заключена в г. Страсбурге 27.01.1999.



— Вы являетесь специалистом по конституционному праву США. Недавняя президентская гонка наводит на мысль, что система выборов там устарела и ее стоило бы пересмотреть. Каково Ваше отношение к этому?

— Возможно, система выборщиков и является архаичной, но она имеет свой позитивный эффект, обеспечивая стабилизацию политической системы; укрепление федеративного устройства страны за счет повышенных квот представительства в Конгрессе и коллегии выборщиков для штатов с малой численностью населения; поддержку устоявшейся двухпартийной системы, призванной не раскалывать политические силы, а группировать их вокруг двух противоборствующих партий.

На последних президентских выборах в США 2020 г. исход голосования определяли не только избиратели и коллегия выборщиков, но и средства массовой информации, а также социально-коммуникационные сети, большая часть которых объединилась против президента США Д. Трампа, не позволяя ему и его сторонникам выступать в свою защиту, а также высказывать свои оценки избирательной кампании и нарушениям избирательного законодательства. Более того, средства массовой информации взяли на себя функцию определения победителя президентских выборов.

В полдень 7 ноября 2020 г. информационное агентство *Associated Press* объявило победителем Дж. Байдена, несмотря на то что еще не был завершен подсчет значительного числа голосов избирателей, в том числе в Аляске (50%), Калифорнии (34%), Нью-Джерси (23%), Нью-Йорке (22%), Мэриленде (21%), Неваде (12%), Иллинойсе (8%), многих других штатах.

Такие факты свидетельствуют о том, что на президентских выборах США 2020 г. голос народа, или исход голосования, определялся во многом не голосом Бога (разума, совести, верности долгу), а голосом средств массовой информации и социально-коммуникационных сетей.

Во многом именно благодаря этому вмешательству Трамп проиграл выборы. При этом удивительно то,

что суды молчали, хотя при допущенных на выборах нарушениях они были обязаны вмешаться.

— Получается, несмотря на всем известную независимость судов США, они оказались придавлены этой четвертой властью.

— На мой взгляд, выборы 2020 г. показали, что СМИ и социально-коммуникационные сети — это уже не четвертая, а супервласть. Перед началом избирательной кампании у Дж. Байдена было мало шансов на победу на президентских выборах, но включилась поддержка медийного пространства, и ситуация кардинально изменилась.

— Что бы Вы рекомендовали сделать, чтобы изменить эту ситуацию?

— Любые изменения должны вноситься очень осторожно, чтобы не нарушить не только сложившийся баланс политических сил, но и равновесие федерации и штатов.

Федерация — очень хрупкая конструкция, которая может обрушиться в любой момент, о чем свидетельствуют судьбы СССР, Чехословакии, Югославии, ряда других государств.

Чтобы избежать этого, отцы-основатели США создали такой сложный для восприятия институт, как коллегия выборщиков, который, как отмечалось мною, играет важную роль в укреплении основ федерализма.

— С точки зрения сравнительного правоведения это интересный опыт. Возможно, другим федерациям, в том числе России, стоило бы присмотреться к нему.

— Не думаю, что он у нас приживется. Все-таки в США создана уникальная система, которую сложно воспроизвести где-то еще. Но Соединенные Штаты под воздействием процессов глобализации стремительно меняются. Постоянно растущие волны законной и незаконной миграции делают свое дело, символом которого стал лозунг «*Black lives matter*». Мигранты из Азии, Африки, некоторых других частей света в большинстве своем не признают американских законов, имеют свой генетический код восприятия окружающего мира, придерживаются своих традиций и обычаев.

— Как хтоническое право, которое располагается под правопорядком, с ним же конкурирует и вытесняет его из каких-то сфер.

— Да, и такое расщепленное правовое пространство свойственно не только для США, но и для многих государств Европы, которые стали целью (объектом) незаконной миграции.

Мигранты приезжают со своим восприятием права и зачастую перемалывают под него существующие законы, правовые обычаи и традиции.

— Многие связывают популярность Трампа с антиглобалистскими тенденциями в американском обществе. Оказывают ли эти тенденции влияние на право, на замыкание в себе национальных правовых систем или эти процессы никак друг с другом не связаны?

— Глобализация, безусловно, снимает противоречия и расхождения между правовыми системами. Но после кризиса 2008 г. почти повсеместно наблюдается тенденция к сдерживанию процессов глобализации, что наглядно доказывает не только *Brexit* — выход Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из состава Европейского союза, но и постоянные конфликты Польши, Венгрии, некоторых других государств с институтами и органами ЕС.

Коронавирусная пандемия усиливает эту тенденцию, вынуждая государства с целью самосохранения закрывать границы, наращивать свои активы, нарушать взятые на себя договорные обязательства для обеспечения национальной

безопасности. Поэтому все чаще в работах по сравнительному правоведению делается упор на национальные правовые традиции, а не на механизмы и средства глобализации.

— В завершение посоветуйте нашим читателям, с какими трудами стоило бы ознакомиться, чтобы лучше постичь компаративный метод правового познания.

— Конечно же, в первую очередь я назову классические работы Р. фон Иеринга, Ф.К. фон Савиньи, Г. Еллинека, О.В. Холмса, Р. Паунда, Г. Бермана, Р. Давида, П. Гленна.

Из отечественных дореволюционных ученых я бы особо отметил труды Н.М. Коркунова и И.А. Ильина. Из советских — Е.А. Флейшиц, И.Д. Левина, З.М. Черниловского, Б.С. Никифорова, О.А. Жидкова, Ф.М. Решетникова, ставших авторами многих работ по зарубежному праву, которые не утратили своей актуальности и в наши дни.

Необходимо всегда помнить о работах С.С. Алексеева — крупнейшего теоретика права, а также таких блистательных цивилистов, как М.И. Брагинский, А.Л. Маковский, В.В. Витрянский.

И безусловно, с особой благодарностью и благоговением я рекомендую труды своих учителей — А.А. Мишина и В.А. Туманова.

Вместе с тем я хотел бы призвать российских ученых к изучению не только доктринальных работ, но и первоисточников правового наследия России и других государств, в идеале — по оригинальным текстам, а не в переводе или в упрощенном чужом пересказе. 